

Влияние консеквенциализма и этики долга на формирование конституционно-правовых институтов в эпоху потребления

Аннотация. Статья посвящена воздействию на современные институты государства и права двух направлений этических теорий, возникших в Древней Греции, — консеквенциализма и этики долга. Автором представлен краткий исторический очерк о различиях в подходах к иерархии потребностей человека в учениях Аристиппа, Эпикура, Платона, Аристотеля и других мыслителей. Рассматриваются отдельные аспекты учений античных философов о соотношении реализации желаний человека с его политико-правовой жизнью. По итогам сравнения консеквенциальных концепций (гедонизма, эпикуреизма, утилитаризма) и этических подходов Платона и Аристотеля делается вывод об инструментальной значимости последних для теории права. Пронизывающие их идеи общего блага и «золотой середины» в совокупности со стремлением к таким ценностям, как справедливость, умеренность, эмпатия, доверие к другим членам общества, объективно могут стать основой конституционно-правовой системы, объединяющей широкие слои населения. Сегодня преобразование правовой стратегии может быть функциональным лишь в том случае, если оно на глубинном уровне обусловлено социальными реформами, которые, в свою очередь, базируются на этике долга и направлены на преодоление сущностных рисков общества потребления.

Ключевые слова: этика; консеквенциализм; общее благо; гедонизм; эпикуреизм; утилитаризм; Платон; Аристотель; философия конституционного права; аксиология конституции; общество потребления.

Для цитирования: Лихтер П. Л. Влияние консеквенциализма и этики долга на формирование конституционно-правовых институтов в эпоху потребления // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9. — С. 11—18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.011-018.

© Лихтер П. Л., 2020

* Лихтер Павел Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право» Пензенского государственного университета
Красная ул., д. 40, г. Пенза, Россия, 440026
lixter@mail.ru

Influence of Consequentialism and Ethics of Debt on the Formation of Constitutional and Legal Institutions in the Ara of Consumption

Pavel L. Likhter, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private and Public Law, Penza State University
ul. Krasnaya, d. 40, Penza, Russia, 440026
lixter@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the influence of two ethical theories that emerged in ancient Greece—the consequentialism and the ethics of debt—on contemporary institutions of the State and the law. The author presents a short historical survey concerning differences in approaches to the hierarchy of human needs in the teachings of Aristippus, Epicurus, Plato, Aristotle and other thinkers. The paper investigates some aspects of the teachings of ancient philosophers concerning the balance between realization of individual's desires and his political and legal life. Based on the comparison of the consequential concepts (hedonism, epicureanism, utilitarianism) and Plato and Aristotle ethical approaches, the author concludes that the latter are instrumentally significant. Their ideas of the common good and the golden middle, combined with the pursuit of such values as justice, moderation, empathy, trust in other members of society, can form the basis of a constitutional and legal system that unites general public. Today, the transformation of a legal strategy can only be functional if it is driven at a depth level by social reforms that, in turn, are based on the ethics of debt and are aimed at overcoming the essential risks of the consumption society.

Keywords: ethics; consequentialism; common good; hedonism; epicureism; utilitarianism; Plato; Aristotle; philosophy of constitutional law; axiology of the constitution; society consumption.

Cite as: Likhter PL. Vliyanie konsekventsializma i etiki dolga na formirovanie konstitutsionno-pravovykh institutov v epokhu potrebleniya [Influence of Consequentialism and Ethics of Debt on the Formation of Constitutional and Legal Institutions in the Ara of Consumption]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(9):11—18. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.011-018. (In Russ., abstract in Eng.).

Современное общество характеризуется особенностями в природе социальной значимости акта потребления, который приобретает всё большее значение для самореализации индивида. Последствиями восприятия вещи как показателя статуса, а не средства удовлетворения конкретной потребности стали существенные изменения в торговой, финансовой и гражданско-правовой сфере.

На первый взгляд может показаться, что мы наблюдаем становление новой реальности в условиях общества потребления, не имеющей аналогов в истории человечества. Однако политико-правовые проблемы в контексте соотношения желаний индивида и публичных интересов известны человечеству с древних времен. А попытки поиска правовых инструментов противодействия негативным последствиям культа потребления неизбежно связаны с анализом общих идейных и этических оснований государственно-правовых институтов.

Определяющее влияние на развитие политики, юриспруденции, культуры в западном мире оказала древнегреческая философия. В V в. до н.э. на островах Эгейского моря возникли первые отвлеченные представления об идеальном и материальном, индивидуальном и коллективном. Там же зародились две ветви этических теорий: консеквенциализм и этика долга. Историческими формами консеквенциализма стали гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм и др. Если попытаться определить хронологически первую идейную концепцию, которая способствовала возникновению предпосылок современного общества потребления, то (по крайней мере по внешним признакам) это будет концепция гедонизма.

Гедонизм как аксиологическое и этическое учение предполагает, что наслаждение индивида — это высшее благо и главная добродетель. Основатель гедонизма Аристипп (435—355 гг. до н.э.) провозгласил фундаментальной целью в жизни человека достижение физических удо-

вольствий, пребывание в состоянии комфорта и беззаботности. В этом плане система ценностей эпохи консюмеризма перекликается с идеалами Аристиппа, которые предполагают уклонение от страдания, боли, интенсивного труда. В подобной парадигме «успешный человек» сначала должен обеспечить личное благополучие, но так как это состояние труднодостижимо, другие люди в обществе всегда будут восприниматься скорее как конкуренты, чем как единомышленники в достижении общих целей.

Продолжателем идей Аристиппа стал древнегреческий мыслитель Эпикур (341—271 гг. до н.э.), который считал ключевой целью человека не просто получение удовольствия, но избавление от страданий. В эпикуреизме счастье достигается через атараксию — состояние душевной безмятежности. На воротах своей школы Эпикур написал: «Гость, ты будешь здесь счастлив; здесь удовольствие — высшее благо»¹. Следует уточнить, что философ признавал стремление к удовлетворению не только физических, но и духовных индивидуальных потребностей. Последователями Эпикура, отождествляющими удовольствие и счастье, стали П. Гассенди (1592—1655), Ж. О. де Ламетри (1709—1751), П. А. Гольбах (1723—1789) и др.

Позднее на основе гедонизма и эпикуреизма возникло значимое аксиологическое учение — утилитаризм. Его основатель И. Бентам (1748—1832) провозгласил высшей ценностью наибольшее счастье наибольшего количества индивидов. По Бентаму, заслуживают внимания только частные интересы индивидов, а общественные интересы есть не что иное, как их совокупность. Утилитаризм также относится к консеквенциальной группе этических теорий, в которых оценивается не поступок сам по себе, а его результат.

Именно утилитаризм стал основой теории максимизации благосостояния самого цити-

руемого² юриста США — Р. Познера. Начиная со своих ранних работ ученый указывает на то, что истоки экономического анализа права следует искать в утилитаризме. Познер приходит к показательному выводу: «Теория человеческого поведения, по утилитаризму Бентама, является синонимом экономической теории. Удовольствие — это ценность, страдание — это убытки»³. Р. Познер, как практикующий судья, понимал, что такая концепция имеет определяющее влияние на институты конституционного, уголовного и гражданского права.

Само понятие «благосостояние» расширявается Р. Познером как «...стоимость в долларах или долларовом эквиваленте всего в обществе. Оно измеряется готовностью людей заплатить за благо или, если они уже им владеют, тем, сколько им нужно денег, чтобы отказаться от него. Единственный вид предпочтения, который учитывается в системе максимизации благосостояния, — это тот, который поддержан деньгами, или, другими словами, зарегистрирован на рынке»⁴. При обосновании своей теории Познер разделяет рынки на эксплицитные и имплицитные. На первых рынках происходит денежный обмен товаров (услуг), на вторых обмениваются предметы и средства, связанные с браком, воспитанием детей, дружбой. И хотя ученый нигде явно не утверждает о необходимости формального закрепления монетизации второго рынка, этот процесс очевидно следует из теории максимального благосостояния и иллюстрируется современными примерами в сфере гражданско-правовых, трудовых и иных отношений.

Подобные моральные изъятия утилитаризма и основанных на нем теорий вызвали критику со стороны И. Канта, который полагал, что мотивом настоящего морального поступка должен быть долг, а не индивидуальное стремление к счастью.

¹ Эпикур // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1890—1907.

² Shapiro F. R. The Most-Cited Legal Scholars // Journal of Legal Studies. 2000. Vol. 29 (1). P. 409.

³ Posner R. A. Economic Analysis of Law. 1st ed. Boston, 1972. P. 357.

⁴ Цит. по: Дорохин В. С. Ричард Познер и его теория максимизации благосостояния // Известия вузов. Правоведение. 2017. № 3. С. 28—45.

Однако концептуальная оппозиция у кон-секвенциальной этической линии (гедонизм — эпикуреизм — утилитаризм) возникла значительно раньше. В Древней Греции противоположный учению гедонизма подход создали Платон и Аристотель. Для этих философов высшей ценностью является общее благо, а долг отодвигает на второй план удовлетворение личных потребностей⁵. Противоречие между желаниями индивида и общественным долгом философы считают надуманным, так как в правильном государстве общее благо достигается через участие полноценных и развитых членов общества⁶. Успешность их жизни определяется не максимальным удовлетворением желаний, но стремлением к полной реализации дарованных и приобретенных способностей.

По Платону, гармония в обществе достигается через правильное распределение обязанностей, систему образования и институты права. Убеждение и принуждение обеспечивает сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества. Таким образом, удовлетворение потребностей, по Платону, не носит гедонистический характер, но всегда учитывает горизонтальные связи с другими членами социума. Само происхождение государства объясняется философом следующим образом: «Каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства»⁷.

По мнению Платона, эгоизм и чрезмерный гедонизм — это не просто моральная ошибка, но доказательство факта принципиального непонимания сути человека и общества. Человек не существует вне социума, а значит, неизбежно

совпадение личных и общественных интересов, ведь общество не есть нечто внешнее по отношению к отдельному индивиду. Противоречие между гедонистическими желаниями индивида и общественным долгом философ считает преодолимым в том числе за счет правильной конституции государства, где каждый человек стремится к реализации своих наилучших качеств и удовлетворению своих потребностей посредством справедливого разделения труда, которое выгодно всему обществу.

Так впервые возникает мораль долга. Пусть изначально она является не более чем совокупностью рассуждений о понятиях, граничащих с долгом, в качестве обертонов морали стремления, однако здесь место обязанностей перед обществом неизменно выше, чем удовлетворение личных потребностей в иерархии ценностей.

Ученик Платона — Аристотель — указывает на то, что анализ личных прав человека всегда должен быть основан на размышлениях о действительной пользе для человека, на понимании того, удовлетворение каких потребностей присуще человеческой природе.

Для конституционно-правовой аксиологии подход Аристотеля обретает новые оттенки в связи с интерпретацией центрального понятия его учения об этике — «блага», которое представляет собой прежде всего ценность с точки зрения общего здравого смысла. Философ указывает на то, что вопросы этики, счастья, удовольствий относятся «...к ведению важнейшей науки, то есть науки, которая главным образом управляет. А такой представляется наука о государстве... Даже если для одного человека благом является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение. Желанно, разумеется, и благо одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государств»⁸. В обществе потребления

⁵ Лихтер П. Л. Холизм Платона и конституционно-правовая аксиология. М. : Юстицинформ, 2019.

⁶ Платон. Государство // Сочинения в четырех томах / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 301.

⁷ Платон. Государство // Указ. соч. С. 130.

⁸ Аристотель. Никомахова этика // Собрание сочинений : в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус, З. Н. Микеладзе, И. Д. Рожанский, А. И. Доватур. М. : Мысль, 1976—1983. Т. 4. С. 55.

реализация подобной цели затруднена исходя даже из объективных экономических законов и логики товарного обмена. Ведь в таком социуме человек человеку в лучшем случае — партнер, но в основном — конкурент.

Аристотель признает, что невоздержанность в удовлетворении потребностей неизбежно сопутствует человеку. Стремление к удовольствию обусловлено жаждой счастья, которое мыслитель провозглашает общепризнанным благом, но призывает отчетливее определить его суть. Подлинное счастье человека заключается в максимально полной реализации своих способностей и достигается удовлетворением действительных потребностей в надлежащем порядке и в правильной мере, «ведь для счастья нужна и полнота добродетели, и полнота жизни»⁹. Прежде построения ценностной пирамиды древнегреческий мыслитель выстраивает иерархию удовольствий: «...удовольствия, которые придают совершенство и полноту деятельности, должны определяться как в собственном смысле удовольствия человека; остальные удовольствия, так же как соответствующие деятельности, будут занимать вторую или еще более низкую ступень»¹⁰. Помимо удовольствий тела, философ рассматривает удовольствия мышления, творчества, созерцания, труда и долга. В пирамиде благ более высокие ступени занимают те, которые ценны сами по себе, а не как средства достижения других благ. Так, материальное благосостояние не может находиться на вершине пирамиды по причине того, что золото необходимо не само по себе, но как средство приобретения уютного жилья, качественной еды и т.д., а к мудрости, справедливости или дружбе человек стремится ради них самих.

Аристотель последовательно отвергает теории, связанные с гедонизмом, и критикует любую эгоистическую направленность в личном потреблении. После составления каталога истинных и кажимых благ Стагирит дает рекомендации по достижению первых. Для этого

философ вновь обращается к категориям «общество» и «государство», предлагая исходить из того факта, что человек не может жить хорошо в изоляции. Известны слова Аристотеля о том, что человек — это политическое животное (греч. ζῷον πολιτικόν). Впрочем, вернее будет перевод «животное государственное», ведь Аристотель далее по тексту уточняет: «...а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек»¹¹. Впрочем, и такой перевод не будет отражать полного смысла слова, которое подразумевает также общественное, публичное, должное поведение личности.

«Животное политическое» — это категория, которая отражает взаимосвязь и подчиненность индивидуальных потребностей общественным интересам, но рассмотрение ее необходимо с учетом телеологии. Как цель грецкого ореха изначально определяется сущностью дерева, так стремление политического животного направлено на добродетельное участие в делах полиса. Следовательно, исходя из самой сущности человека, ему не может быть свойственен явный приоритет материального потребления, но совершенствование своих потенций в целях дальнейшего участия в общих государственных делах.

В этой связи философ рассматривает разграничение действительного и возможного. Чтобы человек действительно стал человеком (политическим животным), необходима сила, способная к деятельному осуществлению потенций человека. Это комплексная задача решается через воспитание и государственно-правовые институты. Государство путем правового регулирования выстраивает надлежащие отношения в сфере потребления. Аристотель соглашается с тем, что призывами и примером можно подвигнуть к правильной жизни возвышенных юношей, однако большинство людей не откажется от мнимых потребностей, послушав чьи-либо рассуждения. Поэтому Стагирит последова-

⁹ Аристотель. Никомахова этика // Указ. соч. С. 69.

¹⁰ Аристотель. Никомахова этика // Указ. соч. С. 279.

¹¹ Аристотель. Политика // Указ. соч. С. 378.

тельно увязывает свое этическое учение об умеренности в потреблении с правом и политикой. В отношении поведения людей в связи с удовлетворением их потребностей философ определяет благоразумие как обладание серединой в процессе удовлетворения желаний¹².

Теория «золотой середины» сохраняет инструментальное значение в современной теории конституционного права. Создаваемый основными законами механизм власти — это всегда компромисс, поскольку в общественной жизни участвуют люди с разными потребностями и возможностями. Этот компромисс хотя и вынужденный для многих, но все же выражает общую заинтересованность в решении наиболее значимых вопросов на основе права, а не силы. Поэтому необходимость конституции объясняется прежде всего потребностью в оптимальном балансе ценностей и интересов различных групп населения. Реализация принципа «золотой середины» Аристотеля с точки зрения правовой науки предполагает, что основной целью конституционного регулирования является обеспечение мирного взаимодействия всех слоев общества за счет достижения равновесия системы основных ценностей.

По Аристотелю, в основе всех общественных потрясений лежит имущественное неравенство: «В самом деле, несправедливое — это неравное»¹³. Равенство же должно осуществляться в государствах в двояком отношении: в отношении имущественного владения и в отношении воспитания. Поэтому по итогам рассуждения в своем труде «Политика» Стагирит приходит к выводу о том, что в лучшей форме государственного устройства — политике — правит средний класс в интересах общего блага.

Этика долга Платона и Аристотеля несвойственна современной юриспруденции, провозгласившей личные права и свободы высшей ценностью в государстве. Бескомпромиссное понятие «высшая ценность» не предполагает наличия ценностей, находящихся на одном

уровне с индивидуальными интересами человека. По крайней мере именно так трактуется содержание ст. 2 Конституции РФ ведущими теоретиками права. Вот, например, как описывает рассматриваемую статью М. В. Баглай в своем хрестоматийном учебнике: «...акцент делается не на коллективном пользовании правами, как это было свойственно тоталитарному государству, а на индивидуальном выборе образа действий. Коллективизм <...> в состоянии подавить инициативу и способности отдельного человека, привести к царству серости и посредственности. А индивидуализм, напротив, раскрывает потенциал общества...»¹⁴. Подобный подход к балансу частных и публичных интересов становится базой для формирования общества потребления, влечет сопутствующие риски. И это вновь заставляет обратить внимание на такие категории, как «долг» и «конституционно-правовые обязанности». Свободный житель Древней Греции большее внимание уделял выполнению определенных обязанностей, соблюдению правил. Подобное миропонимание большинства граждан гарантировало человеку необходимый каталог прав, а равно обеспечивало политическое, экономическое и культурное развитие греческих полисов.

Современная правовая идеология в России базируется на консеквенциальных теориях этики, подтвержденных статьей 2 Конституции. В других нормах эта статья раскрывается за счет ряда неоднозначных положений о соотношении ценностей потребления, личных прав с одной стороны и ценностей труда, конституционно-правовых обязанностей — с другой. Так, актуальное значение приобретает коллизия конституционного принципа свободы экономической деятельности и принципа общего блага. Статья 8 гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции. В то же время этот принцип не предполагает обязательного учета общественных

¹² *Аристотель*. Никомахова этика // Указ. соч. С. 115.

¹³ *Аристотель*. Большая этика // Указ. соч. С. 324.

¹⁴ *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 118.

и государственных интересов. И хотя статья 55 Конституции указывает на определенные границы для крайнего индивидуализма, само понятие «общее благо» в Основном законе России не встречается.

Анализируя правовые проявления разных форм консеквенциализма, следует обратить внимание на различия в психологическом и этико-правовом гедонизме. Психологический гедонизм как стремление к максимальному получению удовольствия действительно свойственен каждому человеку. С этим бессмысленно спорить. Однако право — это установление границ должного поведения для членов всего общества. Кроме того, конституционные акты всегда содержат не только регулятивные или оперативные правила поведения, но также нормы-принципы, цели, пожелания на будущее. Г. Кельзен отмечал, что основой мыслимого деления любого явления являются две основные категории: должного и сущего (действительности-природы и ценности-цели). В контексте подобного разделения немислима вещь, которая не будет ни действительностью, ни должествованием либо будет сразу тем и другим¹⁵.

Смешение психологического гедонизма (как данности поведения) и этического гедонизма (как заданности допустимого поведения) при формировании институтов права влечет своеобразное отступление от законов логики, обратное «гильотине Д. Юма», но содержащее аналогичное заблуждение в рассуждениях. Шотландский философ исключал возможность перехода от описательных суждений со связкой «есть» к предписаниям со связкой «должен»¹⁶. Психологический гедонизм — это феномен объективной реальности, при котором человек стремится к удовольствиям, этико-правовой гедонизм — это формализованные ценности об-

щества потребления. Нельзя отказать внешнему наблюдателю в констатации психологического гедонизма, но закрепление ценностей общества потребления в действующем законодательстве требует значительной осторожности.

Таким образом, сравнивая положения консеквенциальных концепций (гедонизм, эпикуреизм, утилитаризм) с положениями этики долга Платона и Аристотеля, можно сделать вывод об инструментальной значимости последних для теории конституционного права, поскольку идея общего блага и принципа «золотой середины» в совокупности со стремлением к таким ценностям, как справедливость, умеренность, доверие в обществе, объективно может стать основой конституционно-правовой системы, объединяющей широкие слои населения.

С другой стороны, формы консеквенциализма и консюмеризм основаны на произвольных релятивистских представлениях индивидуума, которые сложно установить базисом для разработки эффективной правовой стратегии. Речь идет о правовой стратегии в широком смысле: не как модели поведения отдельного человека, но как совокупности идеологических элементов правовой политики государства по целенаправленному изменению конституционно-правовой системы в интересах общества и личности. Внутренне согласованная и отражающая запросы населения правовая стратегия отражается в конституции, становясь основой регулирования общественных отношений.

Сегодня преобразование правовой стратегии может быть функциональным лишь в том случае, если оно на глубинном уровне обусловлено социальными реформами, которые, в свою очередь, базируются на этике долга и направлены на преодоление сущностных рисков общества потребления.

¹⁵ Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб. : Университетский издательский консорциум, 2011. С. 596.

¹⁶ Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. М., 1998. С. 229—230.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Собрание сочинений в четырех томах / ред. В. Ф. Асмус, З. Н. Микеладзе, И. Д. Рожанский, А. И. Доватур. — М. : Мысль, 1976—1983. — Т. 4. — 830 с.
2. *Дорохин В. С.* Ричард Познер и его теория максимизации благосостояния // Известия вузов. Правоведение. — 2017. — № 3. — С. 28—45.
3. *Лихтер П. Л.* Холизм Платона и конституционно-правовая аксиология. — М. : Юстицинформ, 2019. — 176 с.
4. *Платон*. Сочинения в четырех томах / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. — СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2007. — Т. 3. — Ч. 1. — 752 с.
5. Эпикур // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона : в 86 т. — СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1890—1907.
6. *Эрлих О.* Основоположение социологии права. — СПб. : Университетский издательский консорциум, 2011. — 704 с.
7. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. — М., 1998. — 720 с.
8. *Posner R. A.* Economic Analysis of Law. — 1st ed. — Boston, 1972. — 415 p.
9. *Shapiro F. R.* The Most-Cited Legal Scholars // Journal of Legal Studies. — 2000. — Vol. 29 (1). — Pp. 409—426.

Материал поступил в редакцию 29 октября 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aristotel'. Sbranie sochinenij v chetyrekh tomah / red. V. F. Asmus, Z. N. Mikeladze, I. D. Rozhanskij, A. I. Dovatur. — M. : Mysl', 1976—1983. — T. 4. — 830 s.
2. Dorohin V. S. Richard Pozner i ego teoriya maksimizacii blagosostoyaniya // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. — 2017. — № 3. — S. 28—45.
3. Lihter P. L. Holizm Platona i konstitucionno-pravovaya aksiologiya. — M. : Yusticinform, 2019. — 176 s.
4. Platon. Sochineniya v chetyrekh tomah / pod obshch. red. A. F. Loseva i V. F. Asmusa. — SPb. : Izd-vo Olega Abyshko, 2007. — T. 3. — Ch. 1. — 752 s.
5. Epikur // Enciklopedicheskij slovar' F. Brokgauza i I. Efrona : v 86 t. — SPb. : Brokgauz — Efron, 1890—1907.
6. Erlih O. Osnovopolozhenie sociologii prava. — SPb. : Universitetskij izdatel'skij konsorcium, 2011. — 704 s.
7. Yum D. Traktat o chelovecheskoj prirode, ili Popytka primenit' osnovannyj na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nym predmetam. — M., 1998. — 720 s.
8. Posner R. A. Economic Analysis of Law. — 1st ed. — Boston, 1972. — 415 p.
9. Shapiro F. R. The Most-Cited Legal Scholars // Journal of Legal Studies. — 2000. — Vol. 29 (1). — Pp. 409—426.